

М. Л. Златковский

**Аполлон Николаевич
Майков: биографический
очерк**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Л. Златковский**
Аполлон Николаевич Майков: биографический очерк / М. Л. Златковский –
М.: Книга по Требованию, 2018. – 68 с.

ISBN 978-5-518-00438-2

ISBN 978-5-518-00438-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ апрѣлѣ прошлаго года намъ довелось праздновать юбилей пятидесятилѣтней поэтической дѣятельности одного изъ симпатичнѣйшихъ поэтовъ нашего времени — Якова Петровича Полонскаго. Въ апрѣлѣ нынѣшняго года на долю нашу выпадаетъ завидная участь чествовать полувѣковой юбилей^ю другаго изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ поэтовъ, Аполлона Николаевича Майкова, которому и посвящается настоящій біографическій очеркъ.

Кромѣ существующихъ въ печати біографическихъ статей объ Аполлонѣ Николаевичѣ — И. С. Ремезова въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ» Тимма, А. У. Порѣцкаго въ изданіи Баумана «Русскіе современные дѣятели» и Н. В. Гербеля въ сборникѣ «Русскіе поэты», вѣскимъ матеріаломъ для настоящаго очерка послужили нѣсколько писемъ самого юбиляра и тѣ, записанныя мною въ разное время, бесѣды съ нимъ, которыя довелось мнѣ вести въ продолженіе долголѣтняго съ нимъ знакомства. Архивъ Комитета иностранной цензуры, въ которомъ Аполлонъ Николаевичъ служитъ уже 36-й годъ, далъ мнѣ, какъ сослуживцу юбиляра, возможность ознакомить читателя и съ его служебною карьерой.

По поводу собиранія матеріаловъ для біографіи Аполлона Николаевича, самъ юбиляръ выразился весьма характерно объ этомъ дѣлѣ въ одномъ изъ писемъ,

адресованномъ ко мнѣ изъ Константинополя, гдѣ онъ провелъ четыре послѣдніе мѣсяца прошлаго года. Отвѣчая на нѣкоторые поставленные мною вопросы, Аполлонъ Николаевичъ заключилъ свое письмо слѣдующими словами: «Ну что же вамъ еще сказать о себѣ, любезнѣйшій Михаилъ Леонтьевичъ! И эти-то матеріалы для васъ негодны: отъ васъ другаго требуютъ составители нашихъ некрологовъ, которые они ведутъ при жизни нашей, для того, чтобы какъ только явится въ газетахъ, въ черной рамкѣ, наше имя, — въ газетѣ была бы уже статейка, въ коей оставалось вписать только годъ и число смерти. И все это — труха, эти некрологи — «переплеты», какъ говаривалъ покойный Праховъ... Вся моя біографія не во внѣшнихъ фактахъ, а въ ходѣ и развитіи внутренней жизни, въ ходѣ расширенія моего внутренняго горизонта, въ укрѣпленіи взгляда на жизненные вопросы, нравственные, умственные и политическіе, во внутренней работѣ ума надъ впечатлѣніями и наблюденіями жизни, въ осмысленіи приобретаемыхъ и постоянно увеличивающихся знаній. Все прочее — вздоръ, труха, формуляръ»...

I.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ принадлежитъ къ старинной дворянской фамиліи, представители которой не мало потрудились на поприщѣ русскаго искусства и народнаго просвѣщенія. Въ до-петровской Руси имя Майкова встрѣчается еще въ XV столѣтіи въ лицѣ подвижника Нила, по прозванію Сорскаго, котораго поэтическое настроеніе увлекло въ область духовныхъ подвиговъ. Посѣтивъ Аѳонъ

и плѣвившись строгостью скитскаго житья, Нилъ возвратился въ Россію, избралъ живописную мѣстность въ Бѣлозерскихъ пустыняхъ на р. Сорѣ и прославился своими поученіями и строгостью жизни, вслѣдствіе чего вокругъ него образовалась цѣлая отшельническая обитель, которой онъ далъ скитскій уставъ по образцу аеонскаго. О высотѣ его христіанскаго возрѣнія мы можемъ судить, какъ по его собственнымъ сочиненіямъ, сохраннымъ въ нашей старой писменности, такъ и по отзыву, данному имъ въ дѣлѣ Матвѣя Башкина, гдѣ онъ, возставая противъ коста и казни еретиковъ, поучаетъ въ своемъ христіанскомъ смиреніи, что къ обращенію ихъ должны быть прилагаемы исключительно мѣры кротости и убѣжденія.

Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія съ именемъ Майковыхъ связана постройка и открытіе перваго русскаго театра въ Ярославлѣ извѣстнымъ купеческимъ сыномъ Волковымъ. Карабановъ, въ книгѣ своей *) это обстоятельство объясняетъ такъ: «Когда 17-ти-лѣтній Волковъ, пылавшій огнемъ творчества, нашелъ средство помѣститься за кулисами кадетскаго театра, то пришелъ въ такое восхищеніе, что тутъ же родилась въ немъ мысль завести свой театръ въ Ярославлѣ. Присмотрѣвшись въ Петербургѣ къ театральному распорядку и подготовившись разносторонне, Волковъ вернулся въ свой родной городъ, сталъ обучать братьевъ и сосѣдей драматическому искусству, музыкѣ и живописи и поставилъ въ скоромъ времени, въ большомъ кожевенномъ сараѣ драму «Есѣирь». Воевода Мусинъ-Пушкинъ и помѣщикъ

*) *А. Карабановъ*. Основаніе въ 1750 г. русскаго театра кадетами 1-го кадетскаго корпуса. СПб. 1849 г. стран. 25.

Майковъ такъ были прельщены этимъ представленіемъ, что сами употребили значительныя суммы и уговорили ярославскихъ дворянъ и купечество, для чести ихъ города, способствовать къ построению и обзаведенію деревяннаго театра. Такимъ образомъ въ 1755 году возникъ въ Ярославлѣ, на берегу Волги, въ домѣ Майкова, праотецъ русскихъ публичныхъ театровъ.» Родной братъ прадѣда нашего поэта, Василій Ивановичъ (1728—1778), бригадиръ Семеновскаго полка и старшій сынъ вышеупомянутаго ярославскаго помѣщика, былъ извѣстнымъ въ екатерининское время писателемъ. О немъ въ «Опытѣ историческаго словаря о російскихъ писателяхъ» Н. И. Новикова *) сказано такъ: «Онъ почитается въ числѣ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ и тѣмъ паче достоинъ похвалы, что ничего не заимствовалъ: ибо онъ никакихъ чужестранныхъ языковъ не знаетъ.» Одинъ изъ племянниковъ его, дѣдъ юбиляра, Аполлонъ Александровичъ (1761—1838), былъ директоромъ Императорскихъ театровъ, а братъ его, Михаилъ Александровичъ (1796—1848),—директоромъ Демидовскаго училища высшихъ наукъ. Оба они писали стихи. Отецъ Аполлона Николаевича — Николай Аполлоновичъ (1796 — 1873), замѣчательный живописецъ, былъ академикомъ Императорской Академіи Художествъ; Валеріанъ Николаевичъ, второй братъ поэта (1823—1847), — талантливымъ критикомъ и философомъ; третій братъ поэта, Владиміръ Николаевичъ (1826 — 1885), — издателемъ прекраснаго дѣтскаго журнала «Подснѣжникъ» (1858—1861); наконецъ, четвертый братъ, Леонидъ Николаевичъ

*) П. А. Ефремовъ. Матеріалы для исторіи русской литературы. СПб. 1867, стр. 68—69.

(р. въ 1839), извѣстенъ своими трудами по исторіи русской литературы.

Изъ этого перечня читатель видитъ, что родъ Майковыхъ не мало послужилъ развитію русскаго искусства, литературы и просвѣщенія.

II.

Отецъ юбиляра, Николай Аполлоновичъ, имѣетъ полное право на особенное вниманіе и память общества, во-первыхъ, какъ замѣчательный художникъ-живописецъ, а во-вторыхъ, какъ родитель нашего поэта, впервые заронившій въ душу сына искру Божію; а потому будетъ здѣсь уместно остановиться подольше на этой даровитой, высоко-честной и свѣтлой личности.

Когда, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, Николай Аполлоновичъ скончался на 78-мъ году своей жизни, извѣстный нашъ романистъ и другъ семьи Майковыхъ Ив. Ал. Гончаровъ почтилъ въ газетѣ «Голосъ» память покойнаго художника некрологомъ, въ которомъ воздалъ должную дань этому замѣчательному человѣку. «Художникъ Майковъ»,—говоритъ г. Гончаровъ,—«составляетъ феноменальное явленіе въ искусствѣ, какъ самородный талантъ, которому случайность открыла путь къ искусству.» Дѣйствительно, Николай Аполлоновичъ ни дома, ни на школьной скамьѣ не учился рисовать. Раненый въ Бородинскомъ сраженіи въ ногу на-вылетъ, онъ былъ увезенъ на излѣченіе въ помѣстье Ярославской губерніи. Надъ постелью его висѣла какая-то картинка, и отъ нечего дѣлать и скуки онъ принялся копировать ее и результатомъ остался доволенъ. Тогда онъ сталъ рисо-

вать все, что попадалось подъ руку. Оправившись отъ раны, онъ возвратился въ полкъ и участвовалъ въ походахъ 1813—1815 годовъ, рисуя постоянно и въ городахъ, и на стоянкахъ, и на бивуакахъ портреты товарищей, эскизы съ натуры, сценки и проч. Въ Парижѣ, между прочимъ, онъ купилъ себѣ масляныя краски, и страсть къ живописи до того овладѣла молодымъ гусарскимъ офицеромъ, что онъ помышлялъ даже тайкомъ покинуть армию и бѣжать въ Италию, въ эту, какъ онъ самъ выражался, «всемирную академію». Но этой мечтѣ не суждено было осуществиться, потому что онъ былъ внезапно вытребованъ отцомъ въ Москву. Здѣсь онъ женился, вышелъ въ отставку и весь предался своей страсти къ искусству. Въ лицѣ своей супруги, Евгеніи Петровны (рожд. Гусятниковой, 1803—1880), Н. А. Майковъ нашелъ достойнѣйшую, нѣжно любимую подругу жизни, которая умѣла понять его артистическую натуру.

Среди своей семьи, освобожденный отъ мелкихъ житейскихъ заботъ, Николай Аполлоновичъ свилъ себѣ артистическое гнѣздо, въ которомъ провелъ свою долгую жизнь, оставаясь холоднымъ и простодушно-безпечнымъ ко всѣмъ тревоженіямъ житейскимъ и находя лишь уладу жизни въ искусствѣ, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось. Сперва онъ копировалъ въ Москвѣ картины лучшихъ мастеровъ, затѣмъ рѣшился послать на петербургскую выставку голову Мадонны, которая обратила на себя вниманіе знатковъ. Тогда онъ переселился съ семьей въ Петербургъ, и здѣсь его артистическая карьера окончательно упрочилась. Императоръ Николай Павловичъ заказалъ ему запрестольный образъ для Троицкаго Измайловскаго собора, который выполненъ былъ Николаемъ Аполлоно-

вичемъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Велѣдъ затѣмъ, недовольный исполненнымъ двумя академиками иконостасомъ того же собора, Государь поручилъ эту работу Николаю Аполлоновичу и возвелъ его самого въ званіе академика.

Съ тѣхъ поръ заказы ему подобныхъ работъ, для разныхъ храмовъ, не переводились, и лишь свободныя минуты Николай Аполлоновичъ могъ посвящать своей любимой специальности—писанію женскихъ головокъ и женскаго тѣла. Въ этомъ родѣ живописи онъ, въ свое время, былъ неподражаемъ. Множество его головокъ и вакханокъ сдѣлались украшеніемъ гостиныхъ и картинныхъ галлерей частныхъ лицъ. Въ Елагинскомъ дворцѣ есть картина его работы, фигура женщины, поражающая жизненностью колорита, а въ домѣ княгини Юсуповой, на Литейной, — замѣчательные плафоны и медальоны дверей. И. А. Гончаровъ, оцѣнивая художественный талантъ Николая Аполлоновича, выражается такъ: «Отсутствіе серьезной, методической подготовки не могло не чувствоваться во всей дѣятельности художника-самородка, не давая полного простора его фантазіи, стѣсняя обиліе творчества трудностями технического исполненія. Рисунокъ не всегда служилъ могущественнымъ и послушнымъ пособіемъ его кисти. За то уже кисть его, особенно въ копіяхъ съ сильныхъ мастеровъ, соперничала съ оригиналомъ. Колоритъ — вотъ въ чемъ, и почти въ одномъ этомъ, была вся сила артиста.»

Касаясь частной жизни Николая Аполлоновича, еще съ большей теплотой относится къ нему г. Гончаровъ. Вотъ какъ характеризуетъ онъ эту симпатичную и свѣтлую личность: «Какъ человѣкъ, онъ былъ необыкновенно доброй, крѣпкой души, мѣлкаго характера, любимый въ семьѣ, друзь-

ями и всѣми, кто только его зналъ. Онъ жилъ, какъ живутъ или, если теперь уже не живутъ такъ, то какъ жилали артисты, думая больше всего объ искусствѣ, любя его, занимаясь имъ, и почти ничѣмъ другимъ. Домъ его, лѣтъ 15—20 и болѣе назадъ, кипѣлъ жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержаніе изъ сферы мысли, науки, искусствъ. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многіе литераторы изъ круга 33-хъ и 40-хъ годовъ, всѣ толпились въ не обширныхъ, не блестящихъ, но уютныхъ залахъ его квартиры, и всѣ, вмѣстѣ съ хозяевами, составляли какую-то братскую семью или школу, гдѣ всѣ учились другъ у друга, размѣниваясь занимавшими тогда русское общество мыслями, новостями науки, искусствъ. Старикъ Майковъ радовался до слезъ всякому успѣху и всѣхъ, не говоря уже о друзьяхъ, въ сферѣ интеллектуальнаго или артистическаго труда, всякому движенію впередъ во всемъ, что доступно было его уму и образованію. Трудно полнѣе и безупречнѣе, чище прожить жизнь», — заключаетъ И. А. Гончаровъ, — «какъ прожилъ ее Майковъ, сначала въ качествѣ воина, потомъ артиста, наконецъ просто человѣка.»

И вотъ у такого отца и при такой семейной обстановкѣ родился и выросъ нашъ дорогой юбиляръ, и полагаю, я былъ правъ, замѣтивъ выше, что незабвенный родитель нашего поэта впервые заронилъ въ душу сына искру Божію.

III.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ родился 23-го мая 1821 года въ Москвѣ и провелъ все дѣтство въ имѣніи отца, Московской губерніи, близъ Троицко-Сергіевской

Лавры, въ сельцѣ Никольскомъ, а также въ имѣніи бабушки, Клинскаго уѣзда, въ сельцѣ Чепчихѣ, слѣдовательно на лонѣ свободной природы, вдали отъ сутолоки городской, среди простаго сельскаго люда, крѣпкаго своимъ патріархальнымъ бытомъ. Деревенская обстановка сильно вліяла на развитіе ребенка; она породила его съ природою и вселила въ немъ любовь и пониманіе русской народной жизни. До какой степени отрадное воспоминаніе оставила въ немъ деревенская жизнь и непосредственное общеніе съ природою, свидѣтельствуютъ слѣдующія строки, написанныя имъ уже въ зрѣломъ возрастѣ:

Картины бѣдныя полуночнаго края!
 Гдѣ-бъ я ни умиралъ, васъ вспомню умирая:
 Отъ сердца пылкаго все злое прочь гоня,
 Не вы ль, мира съ людьми, учили жить меня.

Да, первые уроки великой науки жизни чуткая душа будущаго поэта восприняла непосредственно изъ тайниковъ природы, прислушиваясь къ шелесту листьевъ, къ журчанью ручья, къ щебетанью птичекъ и къ тѣмъ гармоническимъ звукамъ, которые въ тихое, ясное утро, когда пробуждается природа, носятся въ воздухѣ и, сливаясь въ одну безконечную, божественную мелодію, наполняютъ способную къ воспріятію душу невыразимымъ, всепримиряющимъ блаженствомъ.

Въ стихотвореніи «Рыбная ловля», написанномъ въ 1855 году, поэтъ вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ, и вотъ какъ онъ рисуетъ жизнь въ деревнѣ:

Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подь Москвою:
 Бывало въ вечеру поудить карасей

Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ, дѣтей,
 Сидимъ на берегу подъ елкою густою,
 Добычу изъ ведра руками достаемъ.
 И шопотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ...
 Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустыннымъ.
 Мы стали странствовать... Теперь то время мнѣ.
 Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
 Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
 Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,
 Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...

Но вотъ настало время отрочества. Въ 12-ть лѣтъ пора
 подумать и о серьезномъ ученіи. Мальчика везутъ въ
 Петербургъ и сдаютъ на руки дядѣ, артиллерійскому
 полковнику, занимавшемуся приготовленіемъ молодыхъ
 людей для поступленія въ военно-учебныя заведенія.
 Петербургъ производитъ на молодого Майкова впечат-
 тлѣніе большой тюрьмы. Вотъ какъ воспѣваетъ Аполлонъ
 Николаевичъ въ томъ же стихотвореніи свой пріѣздъ
 въ столицу:

Въ столицу привезенъ насильно точно я;
 Какъ будто всѣмъ чужой, сажу на чуждомъ пирѣ,
 И, кажется, опять я дома въ Божьемъ мірѣ,
 Когда лишь заберусь на бережокъ ручья,
 Закину удочки, сажу въ травѣ высокой...
 Полдневный пышетъ жаръ—съ зарей я поднялся—
 Откинешься на лугъ и смотришь въ небеса,
 И слушаешь стрекозъ, покуда сонъ глубокій
 Подъ теплый паръ земли глаза мнѣ не сомкнетъ...
 О чудный сонъ! Душа, Богъ знаетъ, гдѣ, далеко,
 А ты во снѣ живешь, какъ все вокругъ живешь...